

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2021

Священник Мераб Саралидзе

Сравнительный анализ форм и результатов миссионерской и просветительской деятельности епископа Гурия (Буртасовского) на Дальнем Востоке и в Поволжье

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_262

Аннотация: В статье на ряде примеров, почерпнутых из архивных документов, рассматривается миссионерская и просветительская деятельность еп. Гурия (Буртасовского) в 1885–1907 гг. на Дальнем Востоке (Камчатская епархия) и в Поволжье (Самарская и Симбирская епархии), а также проводится сравнение форм и результатов этой деятельности в указанных регионах. Многообразие форм миссионерского служения и просветительской деятельности еп. Гурия (Буртасовского) раскрывается с учетом особенностей перечисленных епархий и включает в себя участие в миссионерских путешествиях и обращение с проповедью к инородцам, организацию церковно-приходских школ, противодействие сектантам и раскольникам, окормление единоверческих приходов и т. д. Анализируемый материал иллюстрирует возрастание роли миссионера в сложный исторический период, который на рубеже веков переживали духовная миссия Русской Православной Церкви и Российская империя в целом.

Ключевые слова: епископ Гурий (Буртасовский), формы миссионерской деятельности, просвещение инородцев, внутренняя и внешняя духовная миссия.

Об авторе: **Священник Мераб Григорьевич Саралидзе**

Аспирант православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: saralidze.m@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-687X>

Ссылка на статью: Саралидзе М. Г., *свящ.* Сравнительный анализ форм и результатов миссионерской и просветительской деятельности епископа Гурия (Буртасовского) на Дальнем Востоке и в Поволжье // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 262–272.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Priest Merab Saralidze

**Comparative Analysis of the Forms and Results
of the Missionary and Educational Activities
of Bishop Gurias (Burtasovsky)
in the Far East and the Volga Region**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_262

Abstract: The article uses a number of examples drawn from archival documents to examine the missionary and educational activities of Bishop Gurias (Burtasovsky) in 1885–1907 in the Far East (Kamchatka Diocese) and in the Volga region (Samara and Simbirsk Dioceses), as well as a comparison of the forms and results of this activity in these regions. The variety of forms of missionary service and educational activities of Bishop Gurias (Burtasovsky) is revealed taking into account the peculiarities of the listed dioceses and includes participation in missionary travels and preaching to foreigners, organizing parish schools, countering sectarians and schismatics, nurturing parishes of the same faith, etc. The analyzed material illustrates the growing role of the missionary in a difficult historical period, which at the turn of the century experienced the spiritual mission of the Russian Orthodox Church and the Russian Empire as a whole.

Keywords: Bishop Gurias (Burtasovsky), forms of the missionary activity, education of the persons of foreign race, the inward and outward theological mission.

About the author: **Priest Merab Grigorievich Saralidze**

Graduate Student at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: saralidze.m@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-687X>

Article link: Saralidze M., priest. Comparative Analysis of the Forms and Results of the Missionary and Educational Activities of Bishop Gurias (Burtasovsky) in the Far East and the Volga Region. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 262–272.

Епископ Гурий (Буртасовский; 1845–1907) принадлежит к плеяде выдающихся деятелей Русской Православной Церкви второй половины XIX — начала XX вв. Главный его вклад в историю распространения православия в Российской империи связан с обширной миссионерской деятельностью, которую он вел на Дальнем Востоке, в Сибири и в Поволжье. В 1885 г. владыка Гурий был назначен епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским, в 1892-м — епископом Самарским и Ставропольским, а в 1904-м — епископом Симбирским и Сызранским [Липаков, 2006, 473]. Заметим, что в указанные годы отечественное миссионерское дело переживало период интенсивного развития, к которому его подталкивала возрастающая динамика исторического процесса.

Реформы Александра II послужили причиной активизации миссионерской деятельности в XIX в., поскольку благодаря этим государственным преобразованиям стало возможным возрождение приходов. Приходские общины постепенно становились самостоятельными и могли привлекать к миссионерскому служению не только представителей духовенства, но и мирян [Ефимов, 2007, 402]. Это обстоятельство объяснялось созданием многочисленных миссионерских братств, миссионерских и религиозно-просветительских обществ, ростом благотворительных и просветительских тенденций в самых разных регионах. Регулярно стали устраиваться съезды миссионеров — всероссийские, епархиальные, благочинные и уездные. Появились у миссионеров и свои периодические издания. В итоге все это вело к образованию новых приходов и епархий, открытию и освящению новых храмов, строительству церковно-приходских школ, благоприятно сказывалось на христианизации всё большего количества населения, среди которого были и представители коренных народов России. Перечисленные факторы укрепления православия были отмечены обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым в его отчете за 1896–1897 гг. [Победоносцев, 1899, 74].

Каждая епархия имела свою политическую, социальную и географическую специфику, свои проблемы и пути их разрешения. Естественно, локальные условия и особенности напрямую влияли на меры и способы распространения православия в регионах, средства укрепления населения в вере и стратегии противодействия многочисленным сектантским движениям, которых к началу XX в. насчитывалось в России более сотни [Оленич, 2004, 95].

В Сибири и на Дальнем Востоке, характеризующихся обширными и не полностью освоенными территориями и низкой плотностью населения, духовные нужды населения и стоящие перед миссиями задачи отличались от аналогичных нужд и задач в других административно-территориальных единицах государства, особенно в европейской части последнего. Неудивительно, что в удаленных и труднодоступных регионах на первое место выходила необходимость строить новые храмы и церковно-приходские школы, вести разъяснительные религиозные беседы с местным населением, собирать о нем сведения, вникать в особенности быта и культуры инородцев, что оказывалось весьма затруднительно в случаях, когда миссионер не знал языка того народа, к которому обращался с проповедью. Камчатская епархия являлась самой большой в мире, поэтому миссионерское служение в ней осложнялось, помимо всего прочего, пространственно-временными параметрами, непредсказуемостью природных стихий, их потенциальной опасностью для человека.

В Поволжье и на территории приуральских епархий существенным фактором, с которым приходилось считаться православным миссионерам, выступала исламизация населения, наиболее многочисленную группу которого составляли татары. Они строили мечети, исламские школы и активно занимались прозелитической деятельностью среди крещеных татар и представителей коренных народностей Поволжья. Положение Церкви и священнослужителей осложнялось и за счет широко распространившихся раскольничьих и сектантских течений (поповцев и беглоповцев, никудышников, беспоповцев, молокан, скопцов, хлыстов и ряда других), которые по состоянию на 1892 г. насчитывали в числе своих приверженцев во всех уездах только одной Самарской епархии 86,5 тыс. человек (Свод. сборник статистич.

сведений, 1892, 15). Как отмечает миссионер и публицист В. М. Скворцов, Поволжье представляло собой «едва ли не самый крупный и в то же время опасный, хотя и забытый очаг сектантства как рационалистического, так и особенно мистического; [был] силен в этом крае старообрядческий раскол» (Скворцов, 1887, 348, 350). Специфика Симбирской губернии, превосходившей по своей площади Самарскую, заключалась в том, что там, с одной стороны, было по сравнению с другими регионами Поволжья в несколько раз меньше раскольников и сектантов и больше православных (1,5 млн человек (Центральный статистич. комитет МВД, 1904, 177)), но, с другой стороны, период служения в Симбирской епархии преосвящ. Гурия (1904–1907) совпал со временем активизации революционного движения, один из центров которого находился в Симбирске, с возникновением угроз как для системы образования, представленной церковно-приходскими школами, школами грамоты и миссионерскими школами, так и для Церкви в целом и безопасности ее служителей.

Обратимся к рассмотрению конкретных форм миссионерской деятельности еп. Гурия в трех епархиях: Камчатской, Самарской и Симбирской. При этом сами формы и достигнутые результаты будут подвергаться сравнительному анализу исходя из общей региональной принадлежности епархий (Камчатская епархия – Дальний Восток; Самарская и Симбирская епархии – Поволжье). Поскольку деятельность владыки на трех кафедрах охватывает значительный период времени (1885–1907 гг.), то в рамках настоящей статьи мы коснемся ее основных моментов, наиболее подходящих для сравнительного анализа.

Начиная с осени 1885 г. на территории Камчатской епархии по инициативе преосвященного был утвержден праздник в честь особо почитаемой в Амурском крае чудотворной Албазинской иконы Божией Матери («Слово Плоть быть»). (Первоначально икону привез в 1860 г. из Сретенска в Благовещенск основоположник миссионерской деятельности на Дальнем Востоке свт. Иннокентий (Вениаминов). — *свящ. М. С.*) Этот праздник было утверждено отмечать 9 (22) марта. Тогда же, в 1885 г., возникла и традиция крестных ходов с иконой по городу, во время которых ее вносили в дома. Чудеса, происходившие от иконы, быстро становились известны во всем Приамурском крае. Это послужило поводом для многодневных крестных ходов со святыней в те села, из которых владыке приходили письменные просьбы жителей, их «общественные приговоры» о принесении чудотворной иконы. По благословению преосвящ. Гурия со святого образа для отправки в удаленные приходы было разрешено делать списки. Действенность таких крестных ходов служила мощным духовным импульсом, утверждающим православие и затрагивающим не только православных, но и представителей коренных народностей Дальнего Востока, а также раскольников и сектантов.

Одним из самых важных миссионерских путешествий еп. Гурия стала предпринятая им в декабре 1885 г. поездка по Охотскому побережью в сторону Камчатки. На этой обширной территории, ранее принадлежавшей Китаю, проживало инородческое население, которое в основном было представлено гиляками, маньчжурами, гольдами (нанайцами). Эти коренные народности придерживались анималистических верований, прибегали к шаманским практикам. Миссионер, который попадал в их среду, оказывался в сложной ситуации: он, будучи представителем своего времени с его техническим прогрессом и разнообразными достижениями науки, носителем современной культуры, оказывался рядом с людьми, которые во всех отношениях являлись другими и жили в мире, сильно отличавшемся от привычного для сознания миссионера.

Именно во время этого путешествия происходили поучительные случаи, свидетельствующие о готовности преосвящ. Гурия разнообразить существующие формы и стратегии миссионерской работы с инородцами. Осматривая инородческие фанзы, владыка обращал внимание на наличие в них святых икон или языческих идолов. Так, в избранной для беседы фанзе в деревне Мынган икон не было. Инородцы честно признались, что их в этой деревне вообще ни у кого нет. Также и на самих крещеных

гольдах не было нательных крестиков. Владыка Гурий вступил с ними в доверительную беседу и объяснил всё наблюдаемое влиянием шаманов. В итоге он сделал вывод, что в фанзе непременно где-нибудь находится идольское изображение. Как оказалось, на передней стене действительно висел деревянный идол. Владыка собственноручно его снял и, чтобы продемонстрировать бессилие идола, бросил в печь. Гольды, особенно женщины и дети, со страхом туда заглядывали, опасаясь кары от своего божества. Кроме того, обнаружили и другие идолы меньших размеров — они висели у колыбели младенца. Там же находилась и голова убитого филина — она служила якобы для охраны ребенка. Владыка был чрезвычайно взволнован тем обстоятельством, что гольды, будучи крещеными, продолжали поклоняться истуканам и демонстрировали анималистическое мировосприятие. Поэтому он попросил уголь и изобразил на ближайшей к нему стене Крест Господень и пропел перед ним тропари: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыка...» и «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...». Еп. Гурий растолковал инородцам значение Креста Господня, подчеркивая его силу прогонять бесов и злых духов, поведал о страданиях Иисуса Христа, о Его воскресении из мертвых. Затем по предложению владыки один из гольдов также нарисовал на стене Крест. Вскоре гольды стали увлеченно состязаться друг с другом в том, кто лучше изобразит на стене Крест. Прощаясь, владыка увещевал гольдов, чтобы они ни под каким предлогом не пускали к себе в дома шаманов, не держали идолов и не навлекали на себя гнев Божий за идолопоклонство, чтобы в каждой фанзе имели Крест Господень, перед которым бы молились и утром и вечером, чтобы на груди у каждого был крестик и чтобы в деревне на видном месте поставили Крест, который служил бы доказательством того, что здесь живут христиане (ГАУО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 40. Л. 6–7). Мы видим, что в описанном случае миссионер обратился к игровому началу, присущему представителям одной из народностей Камчатки. Сами же наивысшие величины себя так, как дети, которые открыты миру и готовы перенять от вводящих их в него взрослых опыт и знание. Подобный контакт миссионера с представителями коренного народа позволил осуществить их «выключение из „обыденной“ жизни» [Хэйзинга, 1992, 34] и сформировать через игру представления о символах и понятиях христианского вероучения.

Любопытным примером миссионерской деятельности еп. Гурия на Дальнем Востоке выступает его распоряжение об открытии храма особого типа. В целях удовлетворения духовных нужд якутов и эвенков, кочевавших по берегам реки Буряя и по берегам ее притоков, в 1891 г. состоялось открытие Ниманского походного храма, для службы в котором был специально направлен священник-миссионер [Ермацанс, 2006, 133].

Придавая большое значение созданию на территории Камчатской епархии миссионерских и церковно-приходских школ, преосвящ. Гурий, беседуя с инородцами, всегда старался убедить их отдавать детей в эти школы. Там они могли бы получить элементарное образование, не испытывая какого-либо стеснения из-за отправления свойственных культуре своего народа обычаев. Однако со временем выпускники таких школ могли бы стать посредниками христианского просвещения среди самих инородцев.

К 1887 г. при большинстве расположенных на Амуре станам, в том числе и при корейских станах, действовали миссионерские школы. Таким образом, дети инородцев получили возможность обучаться русскому языку, чтению, арифметике, Закону Божию. В общей сложности, к указанному году в миссионерских школах обучалось 145 учеников (Прибавление к Иркутск. епарх. вед., 1887, 226).

Согласно оценке иркутского историка Л. Н. Харченко, главным положительным последствием распространения во время служения еп. Гурия миссионерских школ стал их вклад в народное образование: «Часто являясь единственными учебными заведениями в отдаленных местностях, они выполняли роль культурных центров, давая возможность получить не только основы грамотности, но и необходимые сведения по медицине, гигиене, сельскому хозяйству и т. п.» [Харченко, 2004, 122].

Итогом просветительской деятельности владыки на Камчатской кафедре стал ряд преобразований, затронувших как формальную, так и содержательную стороны учебного процесса. Так, в кратчайшие сроки было построено новое трехэтажное здание Благовещенской духовной семинарии; был выведен на должный уровень учебный процесс; в курс обучения был введен такой предмет, как миссиология.

Отметим также один из имевших место случаев взаимодействия с государством при обращении сектантов в православие. В 1889 г. преосвященный крестил в домовый церкви архиерейского дома сектанта-молоканина, который больше двадцати лет руководил духовборческой общиной. Вместе с ним была крещена и вся его семья. Во время совершения самого таинства была применена беспрецедентная мера безопасности: чтобы предупредить покушения со стороны сектантов, вокруг дома выставили оцепление из полицейских казаков. Подобная необходимость диктовалась тем, что молокане жестоко преследовали своих бывших собратьев, принявших православие.

В Поволжье, а именно в Самарской епархии, одной из главных проблем, стоявших перед священнослужителями, была проблема искоренения языческих обрядов, распространенных в чувашских приходах вопреки христианизации этого народа, имевшей место в середине XVIII в. [БСЭ, 1978, XXIX, 239]. Так, после праздника Святой Троицы чуваша часто устраивали свой праздник под названием Учуг, который обычно сопровождался жертвоприношениями рогатого скота. Подобные отголоски племенных культов отрицательно влияли на чувашей, принявших православие, ставя в их глазах под сомнение систему христианских ценностей. Владыка призывал местных священников объединить свои усилия для борьбы с подобными языческими обрядами. Главным средством противодействия им становились церковные проповеди и беседы в церковно-приходских школах. Еп. Гурий подчеркивал, что слова священника адресованы не только взрослым, но и детям, а потому им надлежит быть понятными и запоминающимися. Более того, дети, в принципе, могут составлять главную аудиторию, к которой обращены священнические внушения, направленные против языческого мировоззрения.

Проиллюстрируем сказанное примером. Однажды на уроке в церковно-приходской школе Самарской епархии ученик, услышав от учителя, что нельзя поклоняться языческим идолам, проникся его словами и был впечатлен образами Божией кары, о которых также услышал от учителя. Придя домой, он нашел у своей матери спрятанного в сундуке «иййриха» (идола. — *свящ. М. С.*), который имел вид куклы, украшенной бусами, и незамедлительно выбросил его в реку. Когда мать вернулась домой и узнала о поступке сына, она побежала к реке и, плача, начала оправдываться: «Иййрих! Я не виновата, прости меня, не взыскивай с меня, не наказывай разными болезнями и скорбями» (Самарск. епарх. вед., приложение, 1903, 8). Этот случай иллюстрирует то, насколько продуктивным могло быть влияние миссионерского слова на детское сознание, а также то, до какой степени мышление взрослого человека может сохранять свою инертность. Таким образом, ориентированность преосвященного на непредвзятость детского восприятия выглядит полностью оправданной.

Рассмотрим другие случаи взаимодействия еп. Гурия с населением, дающие представление о его миссионерской стратегии. Посещая чувашское село Ибрайкино, которое ранее не посещал ни один самарский архипастырь, владыка отслужил в нем водосвятный молебен на славянском и чувашском языках, окропил пришедших святой водой и произнес архипастырское слово, в котором убеждал жителей надеяться только на Бога, веровать в Господа Иисуса Христа, искать у Него заступничества, забыть своих идолов и не прибегать впредь к их помощи. Преосвященный наказал всем жителям села обращаться с духовными нуждами исключительно к священнику. Особая просьба была адресована владыкой родителям — обратить внимание на церковный хор. При этом он произнес следующее: «Посмотрите на учеников, которые пели в церковном хоре, они славили Господа и участвовали в службе Божией, а неграмотные стояли, как немые» (Самарск. епарх. вед., 1900, № 16, 996). Нетрудно догадаться, что апеллирование к грамотности отдельных хористов выступало красноречивым

аргументом в пользу обучения в церковно-приходских школах, а само церковное пение выступало прекрасным дополнением к проповеди, оказывающим эстетическое воздействие на слушающих.

Не вызывает сомнений, что миссионерская деятельность еп. Гурия в отношении инородцев Самарской епархии может оцениваться положительно. В целом, некрещенные инородцы стали гораздо доверчивее относиться к священникам и церковным школам, стали проявлять интерес к богослужению и к церковным песнопениям; крещенные же инородцы постепенно отвыкали от языческих верований и обрядов, избавлялись от идолов, оставляли практики языческих жертвоприношений. Совершались и нравственные преобразования: инородцы оставляли незаконное сожительство, стали отказываться от пьянства. Вместе с этим закономерно возрастало их расположение к Церкви, они охотнее посещали храмы, присутствовали на богослужениях, соблюдали праздники и посты, исповедовались и причащались (Самарск. епарх. вед., приложение, 1903, 23–26). Обратимся к статическим данным за 1901 г. Священники инородческих приходов повенчали за указанный период 108 пар, в которых ранее наблюдалось незаконное сожительство, обратили в христианство 16 человек, а также — 31 мусульманина. Следовательно, общий итог — 47 новообращенных душ обоюбого пола (Самарск. епарх. вед., приложение, 1902, 1–30). При этом многие крещенные татары (например, татары прихода села Абдулино) были очень рады, поскольку у них появился свой храм, в который они регулярно ходили на службы, проводимые на их родном языке.

Уже на следующий год священники инородческих приходов Самарской епархии провели венчание 59 незаконно сожительствовавших пар. В христианство было обращено 15 язычников, 18 мусульман, а также 8 евреев; менее интенсивной стала пропаганда ислама, имелись и случаи обращения мусульман в лоно Православной Церкви (ГАУО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 163. Л. 31.).

Благодаря усилиям еп. Гурия на территории Самарской епархии начиная с 1895 года было построено 172 школы, 52 из которых были церковно-приходскими, а 120 — школами грамоты. Все это стало возможным благодаря финансовой помощи населения — лишь 1/20 часть общей суммы, израсходованной на строительство (130 тыс. руб.), была выделена Епархиальным училищным советом (Самарск. епарх. вед., 1903, № 7, 171). При этом важно пояснить, что владыка непосредственно не призывал население вносить денежные суммы на строительство школ, он лишь проводил беседы о преимуществах получения начального образования. Следовательно, столь активное участие прихожан в деле развития просвещения в Поволжье являлось практически полностью их самостоятельным решением и в некотором смысле позволяло говорить о началах самоуправления на местном уровне.

В последующие годы строительство школ не прекращалось, наоборот, всё большее количество христиан, в том числе и новообращенных, проявляло заинтересованность в развитии образования. В итоге за восемь лет было выстроено более 600 церковных школ. Штат учителей, обслуживающих эти школы, состоял преимущественно из священников. Так, в 1901/1902 учебном году их было 354, а учителей-диаконов — до 100 человек (Самарск. епарх. вед., 1903, № 7, 171). Само количество церковных школ увеличилось за годы служения владыки в Самарской епархии более чем в два раза — с 515 до 1227 (Самарск. епарх. вед., 1903, № 7, 118).

Особого внимания заслуживает миссионерская деятельность преосвящ. Гурия в Поволжье в отношении старообрядцев. Владыка стал первым Самарским епископом, который начал служить в единоверческих храмах по древним книгам и с соблюдением старообрядческого чинопоследования. Это снискало ему доверие и уважение местных старообрядцев; многие из них со временем становились единоверцами. Такое проведение служб выступает хорошим примером миссионерской стратегии владыки, ориентированной не только на местные условия, но и на тип мышления мирян, с которыми необходимо было вступать в контакт. Авторитет архипастыря и задушевность его бесед, проводимых во время миссионерских поездок по епархии,

оказывали вразумляющее воздействие на приверженцев старого обряда. Например, при служении в единоверческой самарской церкви 8 июля преосвященный в своей архипастырской беседе во время литургии весьма вразумительно объяснял, что спасает человека не двоеперстие или троеперстие и подобные священные знаки атрибуты, но само пребывание его в истинной Церкви, свидетельствуемое участием в таинствах и подчинением священноначалию. При этом тщательность и щепетильность в соблюдении одних обрядов, пусть и самых древних, без принадлежности к единой Церкви не спасает человека.

В Поволжье преосвящ. Гурий проводил также и освящения единоверческих храмов. Одно из них состоялось по просьбе единоверцев города Бугуруслана и его окрестных селений 5 сентября 1893 г. Бугурусланский единоверческий храм был освящен владыкой в сослужении шести священников, трое из которых были единоверцами. В богослужении принимали участие диакон Самарской городской единоверческой церкви и певчие из числа единоверческих псаломщиков и певцов. Показательно, что первое богослужение совершалось по чинопоследованию старообрядческих богослужбных книг.

Архипастырь не уставал объяснять единоверцам в проповедях, в своем назидательном слове и в частных беседах важность и необходимость получения каждым человеком вечного спасения, для чего требуется его принадлежность к единой Церкви. Об этом владыка говорил и в своем обращении к прихожанам во время Божественной литургии в новоосвященном храме Бугуруслана. Еп. Гурий пояснил всем присутствующим, что сохраняющиеся у единоверцев особенности в проведении обрядов никак не могут препятствовать и православному христианину получить спасение в Единоверческой Церкви. Для подтверждения сказанного он сослался на собственное участие в богослужении по древним обрядам и на участие в нем трех других священнослужителей. Известно, что личный пример всегда оказывает более сильное и запоминающееся воздействие, чем отсылки к чужому опыту.

Беседуя с единоверцами, владыка постоянно напоминал о безотрадном положении тех раскольников, которые были лишены возможности получать благодатные силы, поскольку находились вне Церкви, и предостерегал всех от увлечения их учением. Обращаясь к самим этим раскольникам, преосвященный мягко предлагал им оставить свои убеждения и соединиться с Православной Церковью на правах единоверия, благодаря чему они не претерпят никакого вреда в отношении столь почитаемой ими старины. По свидетельству «Самарских епархиальных ведомостей», во время назидательной речи, произнесенной в Бугурусланском единоверческом храме, слова владыки при всей своей краткости и простоте были исполнены вдохновения, дышали властью и произвели на всех слушателей очень сильное впечатление (Самарск. епарх. вед., приложение, 1894, 6–7).

Картина миссионерской деятельности еп. Гурия в Поволжье окажется неполной без упоминания его служения в Симбирской епархии. В некоторых чувашских деревнях этой епархии, в частности в деревне Падиково, священнослужители, как стало известно преосвященному, совершали в угоду прихожанам языческие обряды. Пообещав прихожанам назначить такого пастыря, который смог бы проводить богослужения на родном для них чувашском языке, архипастырь провел анализ причин, по которым произошло смешение православия и язычества в деревне, и пришел к заключению, что главная из них заключалась в совсем небольшой вместительности двух местных храмов. Именно отсутствие свободного места в изначально тесном пространстве удерживало многих желающих приобщиться к православию чувашей от этого шага, поэтому они по привычке продолжали отправлять языческие обряды. Распорядившись расширить храмы, владыка настоял и на необходимости открытия школы грамоты, чему местное население было очень радо.

Ход исторического процесса вносил свои коррективы в осуществление просветительской деятельности в Поволжье. В 1905 г. в Симбирской губернии стихийно набирало силу революционное движение: в различных населенных пунктах проходили

митинги, устраивались многочисленные демонстрации, резко возрастало количество забастовок. Крестьянские массы проявляли политическую активность благодаря большевистской агитации. В своих донесениях уездные исправники докладывали об обнаружении в селах антиправительственных листовок, издаваемых социал-демократическими организациями Симбирска и Сызрани. В силу всех этих причин церковная жизнь в приходах и церковно-школьное образование могли если не полностью замереть, то, во всяком случае, существенно ослабнуть. Становилось все меньше священнослужителей и учителей. Однако благодаря неустанным заботам и вниманию преосвященного именно в беспокойном 1905 г. количество школ не только не сократилось, но и, наоборот, возросло. Так, по сравнению с 1904 г., к церковно-приходским школам прибавилось семь новых, а к школам грамоты — пять [Сурминский, 1909, 128]. Для того чтобы получить более полное представление о епархиальных церковных школах, о качестве преподавания и получаемых учащимися знаниях, равно как и для принятия мер по улучшению образования владыка назначил специальные экзаменационные комиссии, в обязанность которых входило проведение экзаменов во всех без исключения церковных школах (Симбирск. епарх. вед. 1905. № 5. С. 132).

Однако, невзирая на все принятые меры, к 1906 г. в епархии постепенно стали закрываться как церковно-приходские школы, так и школы грамоты. Помимо политических причин, это могло происходить и из-за неурожаев, нехватки средств для содержания школ, отсутствия педагогов. Владыка распорядился привлекать к участию в образовательной деятельности штатных диаконов и псаломщиков. Приведем фрагмент резолюции преосвященного на письме настоятеля Вознесенского собора Симбирска прот. Льва Марсальского: «1) При трехчленном составе городских церквей диаконы должны быть правоспособны и усердны к учительству. <...> 2) При четырехчленном составе: при двух священниках и двух псаломщиках — один из последних должен быть способен к учительству и усердному обучению детей в церковно-приходских школах, в учебное время они должны быть освобождены от обязанности псаломщика» (ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 878. Л. 3). Такие нововведения претворялись в жизнь, что положительно сказывалось и на самом обучении, и на увеличении охвата учащихся.

Очевидно, что миссионерская и просветительская деятельность еп. Гурия не может быть сведена к единому перечню приемов и стратегий и принимает ту или иную направленность в зависимости от конкретного региона. Такая гибкость обусловлена общей гуманистической ориентированностью миссионерского служения владыки, отсутствием с его стороны предубеждений при взаимодействии как с православными, так и с раскольниками, язычниками, мусульманами и представителями сектантских течений, а также, помимо всего остального, — свободой от мешающих коммуникации стереотипов. Таким образом, миссионерская осознанность и открытость миссионерского сознания выступают гарантом успешного осуществления как внутренней, так и внешней миссии.

Миссионерское служение и просветительская активность преосвящ. Гурия на Дальнем Востоке строились, в первую очередь, в соответствии с требованиями внешней миссии, тогда как в Поволжье — внутренней. Статистические данные, включающие в себя количество обращенных в православие (как иноверцев, так и язычников), число церковных школ и учащихся в них, показатели работы среди старообрядцев, позволяют говорить о более успешных результатах миссии в епархиях Поволжья. Однако нельзя забывать о том, что данные территории, в отличие от Камчатской епархии, характеризовались гораздо большей плотностью населения.

В целом, можно назвать следующие основные формы миссионерской и просветительской деятельности преосвященного. На Дальнем Востоке это: а) организация крестных ходов и общественных молений; б) проведение среди язычников разъяснительных бесед с игровыми элементами; в) открытие походных храмов; г) содействие в организации церковных школ (церковно-приходских и школ грамоты); д) сотрудничество с государством в отдельных случаях обращения сектантов в православие.

В Поволжье: а) проведение частых проповедей и церковных бесед; б) организация и совершенствование (через назначение специальных экзаменационных комиссий) работы церковных школ; в) совершение богослужений в единоверческих храмах в соответствии со старообрядческими канонами; г) привлечение к образовательному процессу в церковных школах штатных диаконов и псаломщиков.

Обращает на себя внимание забота еп. Гурия о том, чтобы его пасторское слово было правильно услышано и воспринято детьми. Это говорит о прекрасном понимании владыкой возросшей в стремительно меняющемся историческом контексте значимости контакта между поколениями при передаче духовных ценностей.

Формы и стратегии миссионерской и просветительской деятельности еп. Гурия на Дальнем Востоке и в Поволжье в полной мере соответствуют задачам духовной миссии в сложный исторический период и даже предвосхищают их (из наиболее близких в хронологическом отношении к эпохе смены государственного строя источников см., напр., проект устава об устроении внутренней миссии Православной Церкви 1919 г. (Кравецкий, 2011, 620–628)). Они не теряют своей актуальности в наши дни, что свидетельствует в пользу их результативности и непреходящей ценности.

Источники и литература

1. БСЭ (1978) — Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 29: Чаган — Экс-ле-Бен. М., 1978.
2. ГАУО — Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 3. Д. 878. Л. 3; Ф. 722. Оп. 1. Д. 40. Л. 6–7; Ф. 722. Оп. 1. Д. 163. Л. 31.
3. Ермацанс (2006) — *Ермацанс И. А.* Индустриализация РПЦ на Дальнем Востоке во второй половине XIX века — начала XX века по материалам развития Камчатской и Благовещенской епархии. Дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2006.
4. Ефимов (2007) — *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007.
5. Кравецкий (2011) — *Кравецкий А.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2011.
6. Липаков (2006) — *Липаков Е. В.* Гурий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII.
7. Оленич (2004) — *Оленич Т. С.* Трансформация русского религиозного сектантства в контексте современного философско-культурологического знания. Ростов н/Д., 2004.
8. Победоносцев (1899) — *Победоносцев К. П.* Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1896–1897 гг. СПб., 1899.
9. Прибавление к Иркутск. епарх. вед. (1887) — Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. Иркутск, 1887.
10. Самарск. епарх. вед. (1900) — Самарские епархиальные ведомости. 1900. № 16.
11. Самарск. епарх. вед. (1903) — Самарские епархиальные ведомости. 1903. № 7.
12. Самарск. епарх. вед., приложение (1894) — Самарские епархиальные ведомости. 1894. Приложение. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1893 год.
13. Самарск. епарх. вед., приложение (1902) — Самарские епархиальные ведомости. 1902. Приложение. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1901 год.
14. Самарск. епарх. вед., приложение (1903) — Самарские епархиальные ведомости. 1903. Приложение. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1902 год.
15. Свод. сборник статистич. сведений (1892) — Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1.
16. Симбирские епархиальные ведомости — Симбирские епархиальные ведомости. 1905. № 5.

17. Скворцов (1887) — *Скворцов В.* К предстоящему всероссийскому миссионерскому съезду // Миссионерское обозрение. 1887. Кн. 1.
18. Сурминский (1909) — *Сурминский А. П., священник.* Симбирские церковные школы за 1884-1908 годы. Симбирск, 1909.
19. Харченко (2004) — *Харченко Л. Н.* Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.): очерк истории. СПб., 2004.
20. Хёйзинга (1992) — *Хёйзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
21. Центральный статистич. комитет МВД (1904) — Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел: 1899–1905. Симбирская губерния. 1904 год. Т. 10. СПб., 1904.